

А.П. ФОМИН

Россия, г. Санкт-Петербург, РГПУ имени А.И. Герцена, Волховский филиал

**«ИННОВАЦИОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ» КАК ЗЕРКАЛО
МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА В ПЕДАГОГИКЕ**

С «инновационным образованием» происходит сегодня то же самое, что и со многими новыми понятиями, еще не укрепившимися в науке. В научном дис- курсе смыслы их постоянно меняются, иногда до противоположного, иногда во- обще выхолащиваются, превращая понятие в симулякр. Такова судьба понятий «информационное общество», «экономика знаний», «постиндустриальное общество», «общество знаний».

Такое положение объективно обусловлено, конечно, сложностью самой социальной реальности. Сложность эта беспрецедентна и некоторых приводит в своеобразный методологический ступор. Начинают говорить, что раз мир непонятен, то и не надо ничего понимать в этом «постоянно меняющемся мире». Главное – научиться в нем ориентироваться и самовыражаться, и это, дескать, и есть цель образования. Второй вариант – абсолютный релятивизм: все правы, каждая концепция имеет право на существование и для объяснения такого сложного объекта, как человек, общество, ребенок и т.д., одинаково годятся все. Так расцветает методологический кризис в любой науке. Его симптомы – концептуальный релятивизм и утеря фундаментальных ориентиров в решении важнейших вопросов.

Для научного сообщества это нормальное явление. Не надо тут подозревать заговор и искать злодеев, которые намеренно искажают смыслы понятий, внедряют симулякры в дискурс и манипулируют нашим сознанием. Процесс проявления и становления научного понятия – это долгий и естественный процесс в науке, в том числе и в педагогике. Поэтому наша задача, задача научного сообщества – постоянно отслеживать этот процесс, активно в нем участвуя. Анализ этого процесса, анализ понятий и практики их

применения с выводами очень важны, просто необходимы. Это и есть наша активная гражданская позиция.

Дело принципиально меняется на уровне политики, когда властный субъект, не обладая государственной мудростью (будем так считать), игнорирует этот естественный процесс становления языка науки и осуществляет государственную образовательную политику, опираясь только на частные смыслы, которые он уловил, которые ему понятны или выгодны. Вот тогда и начинается время «не тех» реформ, чужих ориентиров, «потери аутентичности», уход от реальности и т.д.

Вот частный, но яркий пример. В 2009 году Виктор Иванович Слободчиков определяет инновационное, то есть принципиально новое образование как форму «становления и развития базовых, родовых способностей человека, позволяющих ему быть и отстаивать собственную человечность; быть не только материалом и ресурсом социального производства, но, прежде всего, – подлинным субъектом культуры и исторического действия» [1], противопоставляя его министерской практике формирования ЗУНов и компетенций, которая как раз превращает человека из субъекта культуры в ресурс производства. Но уже в 2010 году другой автор, позиционирующий себя, хоть и с оговорками, сторонником Дж. Дьюи, то есть прагматизма в образовании, пишет: «инновационное образование – это целенаправленный процесс воспитания и инновационного обучения человека, в результате которого у него развиваются творческие способности, формируются навыки самообучения, самосовершенствования, позволяющие ему приобретать знания и опыт для жизнедеятельности в обществе знаний». Под инновационным обучением подразумевается процесс самоорганизации познавательной деятельности обучаемым через *развитие его индивидуальности*» [2, с. 36]. То есть цель образования меняется на противоположную.

Индивидуальность, индивидуальная свобода и независимость – это фундаментальные понятия рыночного либерализма. И вот уже начинает

работать и идеологический заказ. Еще совсем недавно бывший заместитель министра образования И.И. Калина в программной статье писал: «Образование впервые рассматривается не как абстрактный процесс, а как услуга, адресованная конкретному потребителю. От того, насколько качественной будет эта услуга, зависит судьба страны в целом и отдельных учебных заведений в частности» [3, с. 91]. Услуга (в отличие от товара), как известно, оценивается субъективно, по принципу «нравится – не нравится». Образовательная услуга – это такая общая для субъекта и объекта (учителя и ученика) деятельность, которая нравится обоим. На ум приходит известный персонаж из «Республики ШКИД» – учитель, который на уроках пел песни.

Характерность этих примеров в том, что в них проявилась, намеренно или нет, скорее всего – нет, сама технология реформирования российского образования, которая, на наш взгляд, заключается в *своеобразном* прочтении и понимании реформаторами фундаментальных понятий, прежде всего педагогики, хотя и не только. При ближайшем рассмотрении такое своеобразное прочтение оказывается ничем иным, как новым идеологическим заказом. Идеология эта известна: либеральный (фундированный идеей личной свободы) индивидуализм. Своеобразное прочтение фундаментальных и проверенных отечественной и мировой наукой понятий психологии и педагогики, подкрепленное новым идеологическим заказом, превращается уже в государственный заказ. И начинает работать научное сообщество, создаются целые научные концепции под новый идеологический заказ. И мало кто вчитывается в огромное количество виртуальных текстов и анализирует их. На наш взгляд, настало время все же пристальнее взглянуть в некоторые концепции, возникающие в образовании, и в тексты аргументации этих концепций.

Здоровой реакцией образования на методологический кризис стало появление нового научного направления и учебной дисциплины «Педагогическая рискология». Конечно, появление педагогической рискологии отчасти еще и дань научной моде: есть же рискология в «обществе

риска» (по У. Беку), так пусть будет и педагогическая рискология. Но увидим в этом факте появления новой дисциплины новые возможности инновационного (по-настоящему) образования.

Риск в рискологии рассматривается как деятельность человека, связанная с преодолением неопределенности в ситуации неизбежного выбора, в процессе которой не имеется возможности качественно и количественно оценить вероятность достижения предполагаемого результата, неудачи, поражения, выигрыша, попадания в цель и отклонения от цели. В новой дисциплине большинство коллег рассматривают только и исключительно риски, возникающие в деятельности педагога. Этого, на наш взгляд, недостаточно. Педагог в образовании не единственный субъект; субъектами образовательной деятельности являются также конкретный педагогический коллектив во главе с администрацией, местные органы управления образованием, наконец, министерство образования. Более того, чаще всего в условиях современного реформирования именно они являются в большей степени субъектами, чем массовый учитель.

Более корректным будет, следовательно, такое определение: педагогическая рискология – это новое направление в педагогике, изучающее поведение субъектов образовательной деятельности (педагог, гражданское общество, государство) в ситуации неизбежного выбора, с точки зрения возможных необратимых социально-экономических и психологических последствий, оценка которых неоднозначна.

Исследования в области философии образования и педагогической рискологии (в частности, и наши) дают основания для следующих предварительных выводов, которые еще требуют, конечно, своих исследований:

1. Укорененность образования в аутентичную культуру как в Западной Европе, так и в России (хотя и в разной степени), до XX века предотвращала появление социально-экономических рисков в самом образовании.

2. Многие культурные противоречия эпохи, касающиеся образования, в результате такой укорененности решались внутри самого образования – через педагогический поиск [4]. В XX веке интенсивная политизация образования, а затем и современные технологии манипуляции общественным сознанием сделали возможным отрыв образования от аутентичной культуры (и вообще от культуры как ментальной основы, на что работали целые институты на Западе).

3. Отрыв образования от аутентичной культуры и от культуры вообще и его ориентация исключительно на рынок (не на экономику в целом, а именно на ее часть – рынок!) превращает образование из сферы духовного производства в сферу духовного разложения и инструмент уничтожения «культурного кода» нации.

4. В результате выполнения такой деструктивной программы образовательная политика приводит к серьезным социально-экономическим рискам.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Слободчиков, В. И. С какими проблемами могут столкнуться практики при построении инновационной системы? [Электронный ресурс] / В. И. Слободчиков. – Режим доступа: <http://www.in-exp.ru/arhive/125-vved-in-probl.html> – Дата доступа: 25.03.2016.

2. Шитов, С. Б. Инновационное образование в формирующемся обществе знаний / С. Б. Шитов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2009. – № 4 (12). – С. 35–41.

3. Калина, И. И. Образование как благо для человека и общества / И. И. Калина // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. Научный журнал. – 2010. – № 136. – С. 87–97.

4. Фомин, А. П. Личность учителя как носителя педагогической идеи : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / А. П. Фомин. – СПб., 2001.

5. Фомин, А. П. Педагогическое сознание в условиях виртуализации социальной реальности : монография / А. П. Фомин. – М. : Мин-во обр. и науки РФ, АПКиПП, 2007.

6. Фомин, А. П. Педагогические мысли философа. Очерки философии образования : монография / А. П. Фомин. – СПб. : ЛЕМА, 2015. – 154 с.

Социально-педагогическая и медико-психологическая поддержка развития личности в онтогенезе: сборник материалов международной научно-практической конференции. Брест, 19-20 мая 2016 г. // Под ред. И.Е.Валитовой. Брест: БрГУ им.А.С.Пушкина. 2016. - 298с. С. 6-9. 0,6 п.л.